

Болотница

Автор:

Татьяна Мاستрюкова

Болотница

Татьяна Мастрюкова

С Викой никогда ничего не происходит и произойти не может – она в этом твердо уверена. Вот и теперь самое страшное, что ей грозит, – это летний месяц в глухой деревеньке, в старом доме на самом краю леса, вдали от друзей и интернета. Только деревня какая-то странная – не отмечена ни на одной карте. За высокими заборами прячутся тихие, будто вымершие, избы. Во дворе Викиного дома в зарослях малины скрывается темный, бездонный колодец, из которого веет необъяснимым ужасом. А в глубине густого зеленого леса затаилось болото, откуда по ночам в деревню приходит оно – или она? – и зовет, и манит за собой. Кому по силам вырваться из его объятий?

Татьяна Мастрюкова

Болотница. роман

© ИП Новожилов Н. В., текст, 2019

© Макет, оформление ООО «РОСМЭН», 2019

* * *

Пролог

Стоя по щиколотку в холодной болотной жиже, похожей на протухшую, заплесневевшую кашу, чувствуя, как кроссовки потихоньку засасывает, будто кто-то тяжелый вцепился в подошвы, прилип к ним и затягивает меня вниз; страшно желая зажмуриться и все же не в силах оторвать взгляд от стоящего передо мной отвратительного потустороннего существа, я отчаянно думала: «Ну почему это случилось именно со мной? Со мной же никогда не происходит ничего необычного!»

Глава 1

Со мной никогда не происходит ничего необычного. То есть абсолютно. У всех что-то случается, а у меня – нет. Ну разве что родители решили на лето забрать у меня смартфон под предлогом, что будто бы в той дыре, которую они сняли для нас на три месяца, интернет не ловится, а мне срочно надо отдохнуть от всяких там чатов и сетевых игр. Можно подумать, я от них устала. Да и не верится, что папа или мама, чья работа напрямую связана с интернетом, могли бы выбрать настолько глухое место для отдыха.

Одноклассники завели на каникулы чат, постоянно треплются, шлют прикольные картинки, а я, как изгой, должна торчать в медвежьем углу на самом краю земли. Лучшие подруги, как одна, разъехались кто на море, кто в лагерь, и у них, между прочим, никто телефоны не отбирал!

Хорошо, хоть книги есть. Книги я люблю – с их запахом, шелестом страниц, шершавым переплетом. Люблю забиться в какой-нибудь уголок с книжкой и не вылезать, пока не прочту от корки до корки и не прослушаю весь плей-лист в телефоне. Но ведь родичи и здесь постарались: мол, с собой можно взять только

ограниченное количество литературы. А мама, будто в насмешку, предложила ходить в сельскую библиотеку, правда, добавила она, у нее нет твердой уверенности, что библиотека эта существует в реальности, ведь там и села-то нет. И это мама, которая меня и посадила на книги!

Это отступление, чтобы была понятна вся ужасная «прелесть» глухомани, которой предстояло стать местом нашего отдыха.

В общем, ничего интересного и необычного со мной не происходит.

Так думала я, прислонившись лбом к стеклу и без всякого интереса следя за мелькающими за окном автомобиля то куском леса, то внезапным бескрайним полем. Мы ехали в снятую родителями на лето дачу где-то в двухстах километрах от нашего города, в никому не ведомой деревушке.

Как только заканчивались рождественские каникулы, на семейном совете тут же ставился вопрос о летнем отдыхе. Мой папа одержим мыслью о свежем воздухе и простой здоровой жизни, которую он по детской привычке видит исключительно в деревне. Мы с мамой, по его мнению, совершенно не понимаем, насколько город губит нас, а потому должны хотя бы летом бросить цивилизацию и оздоровиться. При этом сам он продолжает работать и настоящей деревенской жизнью наслаждается только по выходным. И каждый раз он ухитряется находить новое место отдыха, причем как можно дальше от предыдущего. Мама смеется, что он замечает следы, как поступают самые настоящие мафиози. Моя мамуля вообще слишком легко относится к папиным затеям и чрезмерно, на мой взгляд, потакает ему.

Обычно мы давали объявление на специализированных сайтах, но на этот раз дачу, а точнее, домик у самого леса, на краю деревни, папе посоветовал его коллега. У коллеги был сосед, а у соседа – дальний родственник, который давным-давно эту дачу сдает. Сам хозяин туда не ездит уже много лет, но нанимает работников, которые перед летним дачным сезоном приводят дом и участок в порядок перед заездом жильцов. Мама сначала была настроена скептически, но папа так воодушевился, что переубедить его было невозможно.

Перед отъездом я пыталась найти деревню Анцыбаловку на картах, забивала в поисковиках – ничего нет. А когда мы наконец-то добрались до нее, стало понятно, почему не нашла. Это была крошечная деревенька в десяток домов, большая часть из которых пустовала. Деревня без перекрестков, как выразился папа. Хозяин дома говорил, что в свое время городские купили эти дома под дачи, но отдыхать все же предпочитали в Турции или Египте. И я их прекрасно понимаю! Оставшиеся жители, старушки и старички, были такими тихими и незаметными, что мама сначала предположила, что папа отправил нас в заброшенную деревню в незаслуженную ссылку. Они даже немного повздорили в машине, правда, как мне показалось, в шутку. Но тут из какого-то дома вышел пожилой мужчина, и ему навстречу откуда-то выскочила крупная рыжая дворняга, так что перепалка сразу утихла.

Но, по мне, так Анцыбаловка и была настоящей ссылкой. Понятно, что не только ребят моего возраста, но вообще детей и молодежи здесь не предвиделось. Да что там молодежи, даже ровесников родителей не было! До ближайшей цивилизованной деревни Зеленово с магазином и почтой нужно было топтать четыре с чем-то километра через лес (папа обещал привезти нам в следующий раз велосипеды). Хлеб и свежую прессу туда завозили раз в неделю грузовиком, и там же неподалеку, на трассе, находилась автобусная остановка, от которой автобус ходил до ближайшей железнодорожной станции. Но библиотеки там, конечно, никакой не было, потому что Зеленово – не село.

Дом, в котором нам с мамой предстояло жить, оказался не так уж и плох, как я сначала решила. Он был, конечно, очень деревенским, деревянным, из толстых бревен, как рисуют на картинках. Высокая двускатная крыша, окна в резных наличниках. Папа назвал дом усовершенствованным пятистенком, не знаю почему. Три комнаты с кухней, чердак с маленьким пыльным окошком, заросший участок с яблонями, кустами малины и шиповника, небольшой сарай с инструментами. Маму удивил крепкий забор, хотя калитки (одна выходила на улицу, другая – в лес, начинающийся практически сразу за забором) запирались всего лишь на примитивный крючок, и их легко было вышибить одним ударом. Газовая плита, вода качается насосом, в ванной висит под самым потолком внушительный нагревательный бак. Холодильник небольшой, старый, еще советский. Он вечно начинал работать неожиданно: сначала сам вздрагивал всем корпусом, а потом рычанием и гулом заставлял вздрогнуть присутствующих.

С электричеством, по словам хозяина, как и во всех деревеньках, случались перебои, но в доме было полно свечей и даже керосинка. Меня это обрадовало, а маму почему-то не очень.

– Хоть туалет не на улице, – только и сказала она, поскольку привыкла во всем искать положительные стороны.

Участок был расположен немного на отшибе, чуть в стороне от остальных домов, у самого леса. А вообще лес был везде. Выглядел он каким-то запущенным, если можно так сказать про лес. Хозяин дома говорил, что где-то неподалеку от деревни скрывается лесное озеро, переходящее в болото, два в одном, так что при прогулке надо быть осторожнее, в лесу лучше без лишней надобности не гулять. Так и сказал: «при прогулке». Мама потом очень смеялась над этим.

Пока я устраивалась в своей комнате (кровать, тумбочка, стул, узкий допотопный шкаф, окно на улицу), родители отправились по имеющимся соседям знакомиться и вернулись довольно быстро. Либо соседей было слишком мало, либо они не захотели общаться. Папа сказал, что на маньяков они не похожи. Хотя он всего лишь пошутил, мне почему-то показалось это не совсем смешным.

Папа обещал приезжать на все выходные и по возможности на неделе, но мы знали по обширному прошлому опыту, что при всем желании он вряд ли сможет выбираться к нам часто.

Телевизора в доме не было! И книг тоже. Совсем. Только стопка пожелтевших старинных журналов «Юность» и какие-то совсем детские книжонки в количестве трех штук (их явно оставили прошлые дачники). Правда, был еще чердак, на который папа пообещал слазить как-нибудь вместе со мной. Во всех книжках и фильмах на чердаке находят что-то интересное.

– А почему не сейчас? Полезли сейчас! – начала было канючить я, но папа, как обычно, когда он не хотел что-то делать, придумал отмазку: мол, если сразу все узнать, то потом будет скучно.

Я захватила с собой две свои любимые подростковые фэнтезийные трилогии, но, поскольку знала их уже практически наизусть, решила взяться за чтение только в случае абсолютного книжного голода. Я все еще надеялась разжиться чем-

нибудь новеньким.

Родители сжалились и вернули мне смартфон, но толку-то? В этой деревне оказались большие проблемы со связью. Может быть, как потом я сообразила, потому и вернули.

Мама обнаружила, что Сеть ловится только в одном месте: под старой яблоней, да и то, если вытянуть руки вверх. Я тут же нашла способ получше: по корявым, но удобным веткам залезла почти на самую верхушку дерева и на развилке ветвей устроила себе интернет-кафе. Еще и яблоки можно было рвать, только руку протяни. Правда, Сеть постоянно пропадала, но я все равно была в лучшем положении, чем родители. Мама смеялась, но я видела, что она немного нервничает. Как и я, она была городской жительницей и бодрилась, только чтобы не расстроить папу, который ужасно хотел устроить нам отдых на свежем воздухе. Папа деревню любил, в детстве он долго жил в далеком лесничестве на воле и просторе, и у него остались о тех временах только положительные, почти сказочные воспоминания. Он так радовался, когда нашел этот дом, что у нас с мамой не хватило духу признаться, что мы его радости не разделяем.

Впрочем, мама у меня оптимистка и во всем старается найти позитив. В сараюшке отыскался какой-то кусок брезента, и папа приладил его с моей помощью на интернет-яблоне, чтобы можно было сидеть здесь даже во время дождя. «Филиал Apple», – обозвала мое гнездо мама.

Пока я сидела на яблоне и безуспешно ловила среди веток Сеть, мама решила обойти участок. На дальнем конце среди густых зарослей полыни пышно и беспорядочно разрослись кусты малины, все усыпанные спелыми ягодами. Туда мама и поспешила в первую очередь, с удовольствием шурша высокой травой.

– Смотри, Вичка, какая жирная трава! Если будем с тобой сажать чего-нибудь, и поливать лишний раз не понадобится, – крикнула она мне. – Давай посадим арбузы!

Я фыркнула, раздраженно вертя телефон в поисках связи: «Ананасы еще скажи!»

Тут мама вскрикнула и принялась прыгать на одной ноге, изо всех сил растирая другую. Папа поспешил ей на помощь, но она буквально оттолкнула его от себя с

предостерегающим криком: «Осторожно! Тут какое-то колесо зловещее!» Я хотя и сочувствовала маме, но все-таки не сдержалась и расхохоталась, так смешно она про колесо сказала.

На самом деле это оказалась скрытая в траве огромная деревянная крышка, вся поросшая мхом, ракушками, будто ее из-под воды достали, и похожая на старый камень. Видно было, что ее давно не трогали с места.

Заинтересовавшись, папа сбегал в сарай за ломом и постучал им по деревяшке.

- Удивительно крепкая. По виду не скажешь.

- Надо убрать ее с дороги. Так мы все ноги обломаем, к малине не пройти. Кто ее вообще здесь бросил и зачем? - Мама с неодобрением потерла ушибленную ногу. - Слушай, давай попробуй ее поддеть и перекатить к забору подальше.

Папа послушно начал орудовать ломом, мама подбадривала. Судя по всему, деревяшка сдвинулась, потому что родители разом заинтересованно склонились к ней. Я тут же начала слезать с яблони.

- Тут, похоже, колодец! - обрадовался папа. - Смотри, глубокий какой.

Мама встала на четвереньки и заглянула через щель в открывшуюся колодезную глубину, но тут же отпрянула, зажав рукой нос и рот.

- Стой, Вичка, не подходи! - остановил меня папа, тоже морщась.

- Ну и вонища!

- Может, там труп? - предположила я.

Мне жутко хотелось тоже посмотреть в колодец, но папа уже задвинул крышку обратно и притаптывал вокруг траву, чтобы больше никто не спотыкался.

- А не удивлюсь!

Мама никак не могла отдышаться и брезгливо нюхала свои руки:

- Не могу избавиться от этого гнусного запаха. Мне кажется, я им пропиталась.

- Вроде нет. А что там внутри было, ты видела?

- Водоросли какие-то, тина. Не видно ничего толком. Ясно, что вода есть, потому что сыро, но где-то очень далеко и тухлая.

- Мам, а что, если это был смертельный газ, как в древнеегипетских гробницах?

Мама прекратила обнюхивать руки и посмотрела на меня странно:

- А тебе не приходит в голову, что мы с папой его уже вдохнули?

Увидев выражение моего лица, она расхохоталась, обняла меня и чмокнула в макушку:

- Ладно, проехали. Иди лучше малину ешь, только смотри под ноги!

Глава 2

На новом месте я всегда сплю очень чутко. Хотя постельное белье мы привезли свое, мне все равно казалось, что наволочка на подушке пахнет чем-то незнакомым и затхлым. И все эти непривычные звуки: стучат часы на кухне, потрескивает дом, трещат сверчки на улице, то и дело неожиданно и громко гудит холодильник. Только папа храпит в родительской комнате привычно и успокаивающе. Поэтому когда я среди ночи проснулась, то не сразу поняла, что

именно меня разбудило. По привычке проверила телефон – связи нет. Полистала старые сообщения, поиграла в игру, не требующую интернета, послушала пару треков из плей-листа, и мне стало немного грустно. Засунув телефон и наушники под подушку, я устала в потолок и тут услышала какое-то шуршание под окном. Словно кто-то ходил снаружи и хотел заглянуть ко мне в комнату.

Стараясь не шуметь, я тихонько прокралась к окну и чуть-чуть отодвинула занавеску. Темнота стояла непроглядная. Так непривычно было без электрического освещения, все казалось чернильным и мертвым. Опять послышалось шуршание, совсем близко, но никого не было видно.

Мне вдруг стало очень холодно. На цыпочках я добежала до родительской комнаты, приоткрыла дверь и прошипела в нее:

– Ма-а-ам!

– Чего тебе, Вичка? – тут же сонно откликнулась мама.

Папа продолжал похрапывать.

– Там шуршит кто-то на улице.

– Да собака какая-нибудь, наверное, ходит. Или кошка. Это же деревня. Спи давай.

– Ладно.

Я вернулась к себе, все так же стараясь не шуметь. Но вовсе не потому, что не хотела будить родителей. Закутавшись в одеяло, я еще несколько минут напряженно вслушивалась. За окном было тихо, но мне все равно казалось, что там тоже прислушиваются. Разумное мамино объяснение отчего-то несколько меня не успокоило. Может быть, потому, что днем я не встретила ни одной кошки.

Но я все равно заснула.

Утром после завтрака папа уехал домой. Мы проводили его на машине до конца деревни, а потом он нас высадил, расцеловал и уехал. Мы с мамой махали ему, пока машина не скрылась за лесным поворотом и не затих вдали мотор.

На нас сразу навалилась тишина. Ну, как тишина – слышно только редкое пение птиц да шелест листьев.

Мы взялись за руки и пошли обратно теперь уже к нашему дому.

Все-таки Анцыбаловка – очень странная деревня.

Я первый раз рассмотрела ее всю, от начала до конца, потому что дома стояли по обе стороны единственной улицы, какой участок – чуть дальше, какой – чуть ближе к дороге, и было их не больше десятка.

Дома, покинутые хозяевами, казались какими-то приземистыми, сутулыми, и толстые бревна, из которых они были сложены, выглядели слишком темными, будто горелыми, несмотря на густую зелень, со всех сторон обступившую их. Все окна были целы, яркая, желтая и голубая краска, которой были выкрашены наличники и карнизы, еще не сильно выцвела. На крышах большинства домов торчали печные трубы. Но мне все равно показалось, что этим домам больше ста лет, если не двести.

Яблони и черемухи в садах словно согнулись от времени, как старушки; дорожки заросли травой, вьюном и одуванчиками; скамейки у забора рассохлись и покосились, краска на них облезла. Зброшенные огороды поросли крапивой.

На одном из домов красовалась обрамленная плющом ржавая табличка еще советских времен: «Дом образцового содержания». У этого дома был даже резной фасад, правда, уже изрядно подпорченный древооточцами.

Жилые участки выглядели тоже не слишком приветливо. Хотя у оставшихся жителей (как я поняла, это были сплошь одинокие старушки, не считая старика с собакой) были и баньки, и плодовые деревья, и обработанные огородики, но все это имело увядающий вид, словно ухаживали за хозяйством по инерции и в любой момент без сожаления оставили бы. Возможно, в силу возраста старушкам было трудно поддерживать хозяйство на должном уровне.

Наш участок выглядел приличнее всех. Пусть и не такой ухоженный, зато выглядел обжитым. Но оно и понятно, ведь хозяин перед началом дачного сезона нанимал работников приводить дачу в порядок.

- Странно, что здесь такие тихие животные, - задумчиво сказала мама, когда мы прошли мимо лежавшей на дороге уже знакомой рыжей псины, а она даже не пошевелилась, только внимательно глядела на нас из-под полуопущенных век. - Я, кажется, видела кур у одной старушки, там ведь, по идее, должен быть петух. Ты слышала, чтобы они кудахтали, чтобы кукарекал кто?

- Могу я покукарекать! - предложила я, не разделяя маминого беспокойства.

По мне, так и нечего им орать. Я собиралась вставать поздно и отоспаться наконец. Должна же быть хоть какая-то польза от этой глухомани.

- Наверное, эта псина и шастала у тебя под окном. Видишь, они здесь ночные жители.

- Как вампиры, что ли?

Тут из дома, мимо которого мы проходили, вышла пожилая женщина, одетая как старенькая бабушка. Даже в валенках, будто мерзла. И совсем по-деревенски голова повязана белым платком. Мне она показалась не такой уж дряхлой, но весь ее вид говорил о крайней степени усталости, будто она перетрудилась либо сильно болела.

Она молча подошла к своей калитке, оперлась на нее и стала смотреть на нас без всякого выражения. Мы с мамой вежливо поздоровались, но она словно не услышала. Будто мы картинка в телевизоре или голограмма. Я даже засомневалась, видела ли она нас вообще.

Когда мы дошли до деревянного колодца, стоящего прямо в центре деревни, бабушка развернулась и так же молча ушла обратно в дом. Я как раз в этот момент оглянулась на нее.

- Слушай, мам, а у них есть телевизоры, как думаешь?

– Подозреваю, что ничего у них нет, только радио. Радио должно быть. Не пойму, неприветливые они или недоверчивые. Вчера мы с папой хотели с кем-нибудь познакомиться, так с такой неохотой они с нами разговаривали, ни одна даже в дом не пригласила, все через забор. Некоторые вообще проигнорировали, хотя я видела, что в окошко смотрели на нас, и бельишко сохло. Так недовольны были, что мы с ребенком приехали. Подумаешь тоже! – Мама возмущенно фыркнула. Она терпеть не может, когда кто-то плохо обо мне отзывается. – С трудом из этого единственного старика, Василия Федоровича, вытянули, где здесь продукты можно купить. Место такое красивое, тихое, а вот люди не очень.

– Ну и ладно. Зато не будут к нам приставать со своими дурацкими разговорами, – беспечно пожала я плечами.

Но маме все равно такое поведение казалось неестественным.

– Обычно одинокие старики ищут общения, рады, что можно поболтать, новости узнать. А тут, я поняла, они и между собой-то не сильно общаются. Станные, странные люди.

– Главное, чтобы они не оказались людоедами. Может, им надоели их куры. И ночью они соберутся своей бабушачьей бандой и ка-а-а-ак набросятся на нас! – резвилась я.

– Да мы с ними одной левой справимся! – рассмеялась мама.

Так мы подшучивали постоянно.

Весь день я валялась на одеяле в тенике под яблонями, грызла падалицу и читала найденные в доме старые журналы. Мама возилась в доме, а потом пришла ко мне загорать.

Стояла какая-то удушающая жара, и, судя по прогнозам, первый дождь обещали только через неделю.

Несколько раз мама спрашивала меня, не чувствую ли я странного запаха, и беспокоилась, что папа неплотно закрыл старый колодец. Но я ничего особенного не чувствовала, кроме скуки. Сеть ловилась отвратительно, я едва успела послать всего одно сообщение в чат с подружками, а потом только играла в быстро надоевшие игрушки на телефоне и пересматривала старые посты и картинки да слушала закачанную музыку. Обычно я пользовалась своей подборкой «ВКонтакте», но без интернета одни и те же композиции быстро надоедали, хотя я все равно из упрямства слушала их по кругу, отгородившись наушниками от внешних раздражителей (или, если быть точной, от раздражающей тишины).

Как я и говорила, ничего не происходило.

И вдруг, лениво перелистывая очередную «Юность» и просматривая очередной, совершенно прозаический рассказ, я наткнулась на вложенную между страницами маленькую тоненькую брошюрку. Это оказался какой-то почти самиздатовский журнал про паранормальные и прочие мистические явления – двадцать страничек набранного на пишущей машинке, а потом отскерокопированного текста. Листы сильно пожелтели, а немногочисленные фотографии к статьям были настолько нечеткими и темными, что практически невозможно было разобрать, что на них изображено. Какая-то абстракция. Не будь подписи, фотографию одного из очевидцев вполне можно было спутать с изображением горелого унитаза. Не знаю, существовала ли когда-нибудь обложка, но до нашего времени она не дожила. Судя по отдельным упоминаниям, журнал был издан в 1993 году и некоторым образом претендовал на научность: после каждой совершенно невероятной истории про встречу с инопланетным разумом или еще какую-нибудь мистику следовал комментарий специалиста, разъясняющего отдельные нюансы и подтверждающего или, гораздо реже, опровергающего приведенные факты. Экспертами выступали «известные парапсихологи», «потомственные ведуньи» и даже один физик-ядерщик, но тоже «знаменитый уфолог». Если верить фамилиям и именам, этот жалкий журнальчик комментировали профессионалы и ученые со всего света.

Посмеиваясь, я не столько прочла, сколько бегло пролистав пара свидетельских показаний про встречу с йети, а потом с гуманоидами, которые в поисках межпланетных контактов залетели в гараж на окраине маленького городка. И тут наткнулась на историю, несколько выбивавшуюся из общего хора потусторонней ерундистики. Почему-то история заставила меня задуматься. То ли потому, что в самый кульминационный момент мама опять пожаловалась на странный запах, то ли еще почему. Это был рассказ от первого лица, корявый, немного дурацкий перевод – вроде бы с немецкого. И случилось это не так чтобы давно (ну, если считать от 1993 года, разумеется).

Заметка была озаглавлена просто:

СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ

Это было у нас, в Вестфалии. Я направился на охоту в одиночестве. Вечер застал меня в лесу, и, хотя не так чтобы далеко я ушел в чащу, возвращаться уже никак не представлялось возможным. На счастье, тут я вышел на прогалину, к сторожке – этакому приюту для припозднившихся охотников, где нашел все необходимое, чтобы почувствовать себя полностью удовлетворенным своим положением. Охотничий домик был обставлен с наивысшим комфортом, который только можно себе представить в данных условиях. Тут был стол, полка с необходимым минимумом посуды, кровать, запас дров, спичек и прочих надобных мелочей, включая маленькое серебряное распятие на стене над очагом для набожных звероловов. Но больше всего меня поразила столь необычная в подобных местах деталь, которую не встретишь и во многих крестьянских домах. Маленькие окна были завешены неким подобием занавесок, сооруженных из кусков холстины. Это было совершенно лишнее, на мой вкус, дополнение, но тщательность, с коей эти тряпки были прилажены к окнам, невольно вызвала уважение. Впрочем, одно из окон было надежно забито изнутри досками. Вероятно, оконное стекло по каким-то причинам разбилось, и в тот момент заколотить окно оказалось наиболее простым и верным решением.

Полностью удовлетворенный своим положением, я поужинал и завалился спать. К слову, тут я оценил импровизированные занавески, поскольку в ту ночь сияла на небосводе огромная полная луна, словно прожектор заливавшая все вокруг своим светом. Так что зашторенные окна были весьма кстати.

Среди ночи я внезапно проснулся, разбуженный необычным звуком, особенно громким среди полночной тишины. Надо сказать, что та ночь была необычайно тихая – ни ветерка, ни совиного уханья, ни случайного треска ветки под лапой осторожного ночного четвероногого охотника. Сев на кровати, я прислушался и невольно бросил взгляд на завешенные окна. И вздрогнул, потому что луна даже сквозь холстину высветила странный неясный силуэт, скорее всего – чьей-то головы, метнувшийся от одного окна к другому. Что-то в этом силуэте было такое неестественное, что холодок пробежал у меня по спине. Тут же в дверь кто-то начал стучать и толкать ее. Толкать-то было бесполезно – дверь открывалась наружу, тем более что из понятной предосторожности я ее запер.

Я подошел к окну и аккуратно приподнял занавеску, пытаюсь разглядеть ночного гостя. Луна, повторюсь, светила ярко, словно фонарь, своим бледным холодным сиянием вычерчивая каждый листочек, каждое деревце. И разумеется, я сразу разглядел того, кто хотел попасть в сторожку и ломился сейчас в дверь. Разглядел и похолодел.

Несуразное, карикатурное, противоестественное своей антропоморфностью зрелище.

Представьте себе огромного волка, вставшего на задние лапы, а передние не сложившего, как это принято у четвероногих, у себя на груди, а как-то неестественно расположившего их по обеим сторонам туловища. И эта зловещая фигура, еще более неприятная в неверном свете луны, перебежала от одного окна к другому на задних лапах, пыталась заглянуть внутрь и билась об дверь, толкая ее то одним, то другим боком. Именно бегала, переставляя ноги, а не прыгала, как можно было бы предположить, когда речь идет о звере. И все это происходило в полном молчании.

Я опустил занавесь и осторожно, сам не зная почему стараясь не производить лишнего шума, перешел буквально на цыпочках к другому окну, желая рассмотреть странное существо получше, хотя, признаться, боролся с нараставшим в геометрической прогрессии трепетом, но едва я приподнял холстину и вгляделся во тьму, как вдруг лунный свет померк, и я нос к носу оказался с волчьей мордой, буравившей меня двумя желтыми горящими глазами через тусклое стекло. Это был настоящий матерый зверюга, с оскаленными длинными желтоватыми клыками, с капельками слюны на щетине вокруг пасти, с черным сморщенным носом. Нас разделяло всего лишь стекло, так что ощущение того, что я стою нос к носу с разъяренным волком, намеревающимся

напасть на меня, было абсолютно полным. Кажется, я даже слышал его дыхание, смрадное волчье дыхание, с легким порывиванием, хотя, разумеется, это было только в моем воображении, поскольку внутри сторожки по-прежнему стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием – моим.

Несколько секунд – или минут – мы со странным зверем смотрели друг на друга, потом он внезапно еще больше ощерился и сделал головой движение вперед, словно намереваясь вцепиться мне в горло. Одно только движение.

Отпрянув от окна так, что грохнулся на пол, я в каком-то оцепенении смотрел, боясь пошевелиться, как волк принялся барабанить по окну мордой. Сильнее, сильнее... Импровизированную занавеску я по неосторожности сдвинул, и данное обстоятельство, очевидно, заставляло зверя ломиться именно в это незащищенное окно.

Краем глаза я скользнул по заколоченному изнутри окну. Здесь уже было такое?..

Словно в полусне я живо представил себе картину: волк с силой бьет по стеклу, оно не выдерживает, разлетается, падает у моих ног на пол, обдает меня осколками; в сторожку врывается свежий ночной ветер, лунный свет, звериный смрад и волчье хриплое дыхание; волк просовывает в окно сначала голову, потом передние лапы, протискивается сам, огромный, мускулистый, полный превосходства; бросается на меня и...

Опомившись, стряхнув наваждение, я резко вскочил, рывком задернул занавеску на окне, метнулся к двери – проверить крепость запора, хоть в этом не было необходимости, потом принялся судорожно разжигать очаг, стараясь не смотреть на завешенные окна, сквозь тряпки которых то в одном, то в другом месте появлялись две горящие желтые точки. Именно огонь казался мне тогда самым верным оружием, средством спасения, огонь, а не ружье, которое даже в голову мне не пришло использовать по назначению, хотя, мечась по сторожке, я постоянно спотыкался о него. И только много позже я понял, что не только из-за огня очаг казался мне наиболее безопасным местом, – серебряное распятие охраняло меня...

В голову лезли разные странные мысли, но особенно ярким было воспоминание об одном происшествии, что случилось со мной зимой, когда я так же охотился и

пошел как-то проверять капканы. Утром шел сильный снег, все следы оказались заметены, так что не представлялось никакой возможности проверить, побывали ли кто у ловушек, даже если в них и не попался. И вот раскапываю я один из капканов и обнаруживаю его захлопнувшимся, причем приманка так и осталась в целости и сохранности. Это нисколько меня не смутило, необычным же было другое – капкан своими челюстями крепко сжимал... окровавленный, словно вырванный с корнем, голый человеческий палец, большой палец левой ноги, судя по всему – мужской. Хотя, повторюсь, ночью был снегопад и стояли крепкие морозы, этот обрубок, пусть и основательно промерзший, был явно свежим, о чем говорили и пятна крови на капкане. Сначала я удивился: что за странная идея разгуливать в такой страшный холод босиком по лесу пришла кому-то в голову, что, интересно, подтолкнуло его к этому необычному поступку? Потом, вообразив, что надо мной удачно подшутили, я долго смеялся, оценив розыгрыш по достоинству.

Теперь же, летней лунной ночью в сторожке, мне было совсем не до смеха. Снаружи молча бесновался, колотясь плечами о дверь (закрытые окна, очевидно, сразу перестали интересовать его) волк, разгуливающий на задних лапах, не издавая при этом ни звука. И мне уже пришло в голову, что палец в капкане был тогда вовсе не шуткой приятелей-охотников...

Я даже не заметил, как под утро забылся тревожным сном, больше похожим на беспмятство, сидя на полу рядом с очагом и сжимая в руках какую-то палку, чтобы в случае чего использовать ее как факел, и проснулся, как от внутреннего толчка, когда солнце поднялось над деревьями и птицы всю щебетали, стараясь перекрыть друг друга.

Разумеется, прежде чем выйти наружу, я выглянул в каждое окно, приподнимая всякий раз занавеску, но не обнаружил ничего подозрительного и стал даже сомневаться – не привиделось ли мне это.

Но следы, обильно рассыпанные по земле вокруг сторожки, и, наконец, необычные вмятины со следами волчьей шерсти с наружной стороны крепкой деревянной двери не дали мне успокоиться на этой спасительной мысли. Это были действительно следы волчьих лап – матерого волка. Но этот волк ни разу не становился на все свои четыре лапы, предпочитая передвигаться на двух задних. Он топтался вокруг охотничьего домика и ушел в лес все так же на своих двоих.

Я внимательно осмотрел эти следы. Все пальцы на них были на своем месте... Вы представляете себе строение волчьей или собачьей лапы? Всего четыре пальца, не так ли? Я сказал, что все пальцы были на своем месте, и не ошибся. Только вот на левой лапе было четыре пальца, как положено, как предусмотрено природой, а на правой лапе их было пять, пять пальцев, совсем как у человека...

Эксперт по вервольфам со смехотворным именем, в которое я даже не стала вчитываться, на полном серьезе с высоты своего положения попенял рассказчику, что тот ходил на охоту без серебряной пули. Так же надо было не пальцы считать и не всматриваться в зубы, а первым делом проверять колени существа. У оборотней они, в отличие от настоящих животных, повернуты вперед, как у всех людей. Если бы коленки были повернуты назад, то, скорее всего, на незадачливого охотника напал дрессированный зверь, сбежавший из ближайшего цирка. Иначе же это характерный случай ликантропии, и в таком случае надо было сразу узнать у оборотня его человеческое имя, чтобы обезвредить его. В общем, охотник все делал неправильно, и лишь чудо позволило ему встретить рассвет живым и невредимым. И остается с сожалением констатировать, что такие решающие для науки встречи происходят с простецами, не способными их ни оценить, ни как следует зафиксировать.

Мнение эксперта-коленками-назад меня развеселило, но почему-то над самим охотничьим рассказом я продолжала некоторое время раздумывать. Как бы поступила я, окажись на месте этого охотника? Как вообще можно успеть сообразить и все сделать по правилам, даже если их знаешь?

Глава 4

Я все страдала оттого, что тут такая дикая скучища, а мама будто ничего не замечала. Будто все нормально, как обычно. Взрослые иногда такие странные.

Казалось, маму интересует исключительно, чтобы я была здорова и сыта, причем чтобы пища была «нормальная», то есть не одни бутерброды.

То, что я изнываю от скуки без общения с друзьями, это маме ничего, а как я хлебом перекусила, так она сразу заметила.

- Ты что, весь хлеб слопала? - Мама шарила по полкам на кухне.

- Не весь! - соврала я. - Горбушку тебе оставила.

- Ну тогда пойдем в цивилизацию, за продуктами. В центр, как говорят местные. - Мама радостно рассмеялась. - Центр мира!

- Но туда же чапать полчаса и обратно столько же. Итого целый час! - попыталась уклониться я.

Папа терпеть не мог ходить пешком, а мама могла идти без усталости целый день. Я же пока не решила, что мне больше по душе, и всякий раз колебалась, принимая то одну сторону, то другую, в зависимости от ситуации.

- Минут сорок, не больше. В одну сторону. Семь верст не крюк для бешеной собаки, - отрезала она. - И папе позвоним заодно.

По правде сказать, я не сильно сопротивлялась. Погода стояла отличная, самое оно погулять. Хоть какое-то разнообразие.

На выезде из Анцыбаловки валялась знакомая псина. Мы с мамой попытались привлечь ее внимание свистом, но не добились никакой реакции. Даже хвостом не шевельнула.

Терпеть не могу таких собак, про которых не поймешь, что у них на уме. Вроде не трогает тебя, но где гарантия, что она просто равнодушная, а не ждет удобного случая, когда ты потеряешь бдительность? Эта рыжая псина, правда, даже глаз не открывала, но могла ведь слышать и чують. К тому же она не какая-то мелкая шавка, а здоровенная собака.

Мы с мамой шли не спеша, наслаждаясь природой. Дорога извивалась, петляя между деревьями, то спускаясь в овраг, то пробиваясь через чащу, и быстро по ней идти все равно не получилось бы. Дорога была не сильно разбитая, скорее всего, папина машина была единственным автомобилем, проехавшим здесь за долгое время. Когда-то здесь водились и грузовики, и тракторы, но все это осталось в далеком прошлом.

Наконец деревья стали редеть, лес отступил, показалось засеянное поле, и на солнце засверкали крыши домов. Перед нами предстало Зеленово.

Это оказалось тоже, между прочим, не сильно оживленное место, но здесь все-таки лаяли собаки, у кого-то играло радио, под чьим-то забором валялся сравнительно новый трехколесный велосипед. И чем еще Зеленово значительно отличалось от Анцыбаловки – в деревне было целых две улицы и жилых домов значительно больше.

В самом центре деревни стоял дощатый домик, щедро выкрашенный синей краской, с большой вывеской «МАГАЗИН». Дверь была распахнута и подперта кирпичом. На прибитой прямо к стене доске жалко белели обрывки газеты, очевидно, районной, и пара от руки написанных объявлений.

Я достала телефон. Связь была слабенькая, но была. А вот с выходом в интернет вообще непонятно что: сигнал вроде бы устойчивый, но ровно до того момента, как я пыталась зайти хоть куда-нибудь, хоть в почту, хоть в поисковик, хоть в Вайбер, хоть в «ВКонтакте». Сообщения не отсылались. Ну что же за места здесь дурацкие!

Едва мы переступили порог магазина, где было чуточку прохладнее, чем на улице, и слегка сумрачно, мама тихонько пихнула меня локтем и показала глазами: «Вон девочка твоего возраста. А ты боялась, что здесь детей нет!»

– Очень мне это помогло, – пробурчала я. – А еще за сто километров отсюда у меня вообще была бы огромная компания!

– Ой, не придирайся, бука, – хмыкнула мама, не собираясь вступать со мной в спор.

Девочка была, но вовсе не моя ровесница, а чуть помладше, и какая-то неопрятная. Длинные волосы кое-как затянуты непонятного цвета резинкой, застиранный сарафан уже маловат, голые ноги все покрыты царапинами и разводами грязи. Мне она сразу не понравилась. И то, как она исподлобья смотрела, и то, как в ответ на мамину приветливую улыбку невежливо отвернулась. И то, как она расплатилась мятыми десятками, отошла от прилавка и встала за дверью магазина, чтобы исподтишка разглядывать нас, будто мы какая-то неведомая диковинка.

В этом деревенском магазине (сельпо, как сказала мама) продавалось все подряд: и хлеб, и мясо, и конфеты, и мыло, и лопаты, и дешевые китайские игрушки, и даже одежда. Мама запала на какой-то жуткий сарафан, похожий на крестьянский, в мелкий цветочек. Она немедленно его купила и пообещала мне, что будет ходить только в нем, как настоящая деревенская жительница. А когда я заметила, что на деревенскую она не похожа, а вот на безумную хиппи – как раз да, нарочно начала меня подкалывать, делая вид, что и мне собирается купить такой же страшный балахон, а все мои шорты и джинсы сожжет на большом костре.

Продавщица, сверкая золотым зубом, между тем расспрашивала маму, кто мы, откуда, где живем. И очень удивилась, когда услышала, что в Анцыбаловке.

– Это ж где там, у кого ж? А почему не здесь? Анцыбаловка, подумайте только! И не боитесь?

– А чего там может быть страшного? – сразу насторожилась мама, а я перестала следить за чумазой девочкой.

– Да ничего, ничего. – Вопреки своим словам, всем своим видом продавщица показывала, что очень даже «чего». Она только и ждала маминого вопроса, чтобы немедленно начать тараторить. – Просто, случись что, и не поможет никто. И...

– Ты давай пошевеливайся, языкастая! Нечего молоть тут языком, работай давай. Развела турусы на колесах.

Мы все аж вздрогнули от неожиданности, когда за нашими спинами раздался этот сиплый голос. Я с удивлением увидела старика из Анцыбаловки, того, у

которого была рыжая собака. Сейчас, впрочем, он был один, в какой-то приплюснутой кепке с отломанным козырьком и в сером костюме с потертыми локтями. Мама вежливо поздоровалась с ним, но он только буркнул что-то неразборчивое в ответ, что можно было трактовать как угодно. Получается, он шел за нами следом и даже не окликнул. Не хотел разговаривать, что ли?

Продавщица тут же прекратила свою интересную болтовню, к нашему разочарованию, и быстро принялась пробивать наши покупки.

– А как вы сюда добираетесь, неужели пешком? – спросила у старика мама. Наверняка мысль о том, что этот дядька крался за нами следом, тоже пришла ей в голову.

– Не, я на велосипеде, – нехотя ответил он и угрюмо посмотрел на меня. – Ежели надо, обратно девчонку могу на багажник взять.

– Я лучше с тобой, – тут же отступила я за мамину спину.

Мне этот дядька совсем не нравился.

Мама посмотрела на меня насмешливо, но промолчала. Я и без того смутилась. В самом деле, будто мне шесть лет. Понятно же, что никто из нас – ни мы, ни старик – всерьез его предложение не принимаем.

– Приперлись из нечистого места, – прошипела девчонка, когда мы выходили из магазинчика.

– Что? – возмущенно переспросила я.

Мне так и хотелось поставить эту наглую неряху на место, но мама торопила, не собираясь задерживаться здесь ни на минуту. Не знаю, расслышала ли она этот неприятельский шепот. Тут и продавщица прикрикнула: «Ну-ка, Галка, брысь отсюда!»

Противная Галка зло сверкнула в мою сторону глазами и, прижимая к груди обеими руками свои покупки, помчалась прочь по улице.

Мама, казалось, совершенно не обратила на эту сцену никакого внимания. Она уже нашла местечко, где прилично ловилась Сеть, и болтала с папой, уверяя его, что все просто замечательно.

К своему великому облегчению, из их разговора я поняла, что дачу сняли всего на месяц, пока у папы не начался отпуск, зато потом можно поехать на море и вообще куда хотим.

– Но нам здесь так нравится, что наверняка и не поедем больше никуда! – вдруг выдала мама в трубку.

Я аж рот раскрыла от удивления. Но тут же поняла, что она меня просто дразнит: увидела мою реакцию и хулигански показала язык. Мама с недавних пор ужасно полюбила меня подкалывать, поскольку видела, что я ведусь на ее шуточки. Я пыталась не злиться и даже отвечать ей тем же, но получалось не всегда.

Всю дорогу обратно я прислушивалась, не едет ли следом соседский старик. Но он, очевидно, решил с нами лишний раз не связываться и остался в Зелено-во. Очень неприятно. Будто мы с мамой чем-то заслужили эту изоляцию.

Глава 5

Мама, стоя на коленях, что-то пропалывала в малиннике. Я поспешила помочь ей, радуясь возможности разбавить скучное безделье, но, сделав пару шагов, удивленно затормозила. Вовсе и не полола она, а что-то делала с деревянной крышкой тухлого колодца.

– Ты открыть его хочешь? Зачем?

Мама резко обернулась и тут же вскочила с виноватым видом, отряхивая колени:

– Просто мне показалось, что крышка сдвинулась. То есть не сдвинулась, а испортилась... Я хотела просто проверить...

– Принести тебе лом?

– Что ты! Не надо ни в коем случае! Пойдем лучше отсюда. Погуляем в лесу. Помнишь, хозяин говорил про прогулки по дремучему лесу? Да, в лес!

Мне мамино поведение показалось странноватым. Она будто хотела отвлечь мое внимание от собственного интереса к этому дурацкому колодцу. Вообще непонятно, чего это он ее так притягивает. Вонючая яма с тухлой водой, и все.

Но прогулка в лес была заманчива, и уже через десять минут мы щедро поливали друг друга средствами от клещей и комаров.

Стояла такая жарища, что мы совершенно пренебрегли мерами безопасности в виде закрытой одежды и так и отправились: мама в своем хипповом деревенском сарафане, а я – в шортах и футболке, разве что шляпы надели. По привычке сунули в карман телефоны, но Сеть среди деревьев ловилась так же отвратительно, как и в деревне.

Лес оказался удивительно диким, совсем не как в кино, где герои бодро шагают через непролазную чащу по удобной тропинке. Это, скорее, был дремучий лес из народных сказок. По тропинке, ведущей от задней калитки, явно давно никто не ходил. Она сильно заросла, но все-таки четко просматривалась и вилась между кустами, огибая разлапистые ели и толстые старые березы. Было много поваленных деревьев, уже облепленных мхом, паутиной и древесными грибами. Обычных грибов совсем не было, да мы с мамой в них и не разбираемся. А вот черники, брусники, земляники и малиновых кустов было столько, будто их специально выращивали.

– Да тут жить можно на одном только варенье и подножном корму! – смеялась мама, перемазанная ягодным соком.

И еще лес был поразительно чистым. Скорее всего, немногочисленные пожилые жители Анцыбаловки совсем не ходили сюда. Он казался нетронутым, каким-то

заброшенным, если можно так сказать. Ни одной бумажки, ни одного пакетика из-под чипсов, ни одной пустой бутылки. Никогда в жизни мне не встречалось настолько не загаженное людьми место. И это прямо рядом с деревней! Невероятно!

Я немного боялась заблудиться, но мама с гордостью продемонстрировала мне моток красной ленты, который, оказывается, купила в деревенском магазине. Мы отрезали заботливо припасенными мамой ножничками кусочки ленты и привязывали их на кусты и деревья так, чтобы можно было разглядеть со всех сторон.

– Когда будем возвращаться, надо обязательно эти ленточки отвязать, – предупредила мама. – Нечего лес, к тому же такой прекрасный, загрязнять лишний раз.

Мы как будто были первопроходцами в этом краю. Очень необычное и странное ощущение.

Я то и дело фотографировала наиболее зловещие с виду деревья, чтобы потом поугадать подружек. Мама в своем сарафане прекрасно вписывалась в пейзаж, и я даже сделала пару снимков, на которых она напоминала какую-то потустороннюю личность, особенно там, где без широкополой шляпы. Но вообще мы держались рядом, даже когда ползали на карачках и жадно набивали рты ягодами.

Мы уже шли минут пятнадцать, когда я навела камеру телефона на очередную странную растительность и, глядя на экран, внезапно различила мужскую фигуру, стоящую за кустом. Человек был одет в какую-то неприметную серую одежду и молча смотрел на нас, особо не скрываясь, но и не делая попыток показать себя. На голове какая-то кепчонка, а лица с такого расстояния не разглядеть. Я непроизвольно щелкнула его и шепотом позвала маму.

– Добрый день! – приветливо крикнула человеку мама, похоже, совсем не испугавшись, не то что я. – Вы из Анцыбаловки?

Ответа не последовало.

– Похож на Василия Федоровича, – шепнула мама мне. – Отсюда точно не разглядеть.

Действительно, незнакомец был похож на неприветливого дядьку из нашей деревни, с которым мы постоянно сталкивались. Следит он, что ли, за нами?

Поколебавшись, но даже не сдвинувшись с места, мужчина каким-то скрипучим голосом прошамкал: «Дальше болото будет. Под ноги смотрите! Идите лучше обратно, нечего здесь делать!»

– Спасибо за предупреждение! – все так же приветливо откликнулась мама. – Будем осторожны. – И, повернувшись ко мне, нарочито громко сказала: – Вот и то самое болото, посмотрим – и назад.

Маму, видимо, вся эта ситуация забавляла. А у меня какой-то непонятный, но неприятный холодок по спине пробежал. Иногда мамино поведение, по моему мнению, совсем не подходило к текущим обстоятельствам, а когда я об этом ей говорила, она меня только высмеивала.

– Похоже, это все-таки не Василий Федорович, – опять шепнула мама. – Может, лесник.

Она хотела еще порасспрашивать этого странного дядьку, но он так же бесшумно, как появился, уже куда-то ушел.

– Надеюсь, это был не маньяк, – проворчала я.

– Ага, и еще надейся, что не леший! – насмешливо натянула мне шляпу на нос мама. – А лес-то не такой необитаемый, как нам казалось.

Я хотела пошутить про коленки назад, но почему-то не стала. Наверное, потому, что пересказывать историю про оборотня в этом подозрительном лесу было уже не так смешно.

Мы довольно бодро двинулись в ту сторону, где только что стоял странный лесник, но там были такие непролазные дебри, что вообще непонятно, как он через них пробрался, да еще так тихо.

- Практика! - уважительно решила мама. - Мне бы так!

Я не удержалась и фыркнула от смеха, представив, как мама в своем хипповом сарафане «тихо и незаметно» ломится сквозь кусты.

Потерпев неудачу с этой стороны, мы вернулись на нашу отмеченную ленточками тропинку и еще прошли немного вперед, но никакого болота не обнаружили. Правда, где-то вдалеке послышалось кваканье лягушек, и вроде бы стало немного прохладнее, но никаких признаков воды или топи не наблюдалось.

Мы прибавили шагу, но внезапно мама схватила меня за руку.

- Стой! Смотри вперед. Внимательно. Что видишь? Я удивилась и послушно стала приглядываться. Сомнений быть не могло: впереди сквозь листву и ветви виднелась крепко привязанная мамой красная ленточка.

- Похоже, мы случайно повернули обратно. Такое в лесу случается.

Мне показалось, что где-то далеко в лесу пролаяла собака. Я спросила, слышала ли мама, но она отрицательно мотнула головой.

Мы повернулись спиной к нашему ориентиру и снова принялись продвигаться вперед, на кваканье, хотя уже не так бодро, потому что тропинка сильно заросла и едва проглядывала.

Через пять минут я уже сама углядела нашу красную ленточку на том же месте, что и раньше. Кажется. Но точно сказать было нельзя, деревья выглядели одинаково, да и, полагаясь на наши метки, мы не особенно обращали внимание на окружающий ландшафт, и я даже перестала фотографировать.

Я посмотрела на маму. Она, похоже, напряглась.

- Мне это не нравится. Конечно, в незнакомом лесу легко заплутать, но мы не так далеко ушли.

- Может, этот дядька наши ленточки перевесил? - предположила я.

– Что он, идиот? Хотя, может, и идиот. Пойдем-ка, пожалуй, проверим.

Мы уже не так весело пробрались к красной ленточке. Похоже, это повязали все-таки мы сами. Немного пройдя, мы увидели следующий красный знак, а потом еще один. Все ленточки, мимо которых мы шли, мама, как и обещала, отвязывала и складывала в карман сарафана.

Несмотря на наши опасения, лесник не тронул наши метки, и мы благополучно вышли по ним к задней калитке своего участка.

Мама была озадачена, но не стала обсуждать со мной эти странности. Она всегда так поступала, когда пугалась и не понимала, как объяснить ситуацию, но не хотела пугать меня.

Я никогда не говорила ей, но на самом деле это мамино поведение пугало меня гораздо сильнее, даже если я не была до этого особенно испугана.

Дома на кухне мы приготовили легкий обед (из-за жары даже при хорошем аппетите особо не хотелось наесться) и с удовольствием поели, просматривая в телефоне фотографии из леса. Даже попытались разглядеть странного лесника, но при приближении фигура его становилась еще более размытой, и мама так и не смогла точно определить, был ли это незнакомец или все же Василий Федорович.

Мама удивлялась, что в таком густом, мало посещаемом людьми лесу мы не встретили никаких диких зверей. Даже ежей и белок. Но радовалась, что клещей мы тоже не подцепили. У нее прямо какой-то бзик насчет насекомых.

Потом мы расположились под яблоней и позвонили папе. Он, к нашей радости, ответил с первого гудка, но голос у него был очень расстроенный. На работе случился какой-то аврал, и вместо предвкушаемой поездки к нам папа отправлялся в командировку в другой город аж на две недели, где должен был работать не покладая рук с раннего утра до позднего вечера, а поскольку предприятие режимное, то связаться с папой будет очень сложно. Папа долго извинялся и беспокоился, хотя был абсолютно ни при чем. Нам с мамой пришлось в два голоса успокаивать его и уверять, что мы не обижены, что с нами будет

все в порядке, что мы будем ему звонить только в случае крайней необходимости или если невозможно соскучимся. И вообще будем все время дежурить у яблони, чтобы он мог с нами связаться в любое удобное для него время.

Глава 6

Когда в ванной я начищала зубы (все по правилам, не меньше минуты), внезапно начал мигать свет.

– О, главное, чтобы холодильник не потек! – озабоченно пробормотала мама, проходя на кухню.

Словно в ответ на ее слова, допотопный агрегат дрогнул и заурчал.

– В этом рычании есть что-то успокаивающее, не находишь? – Мама похлопала холодильник по боку, словно это был большой, неповоротливый зверь.

– Но ночью нам свет все равно не нужен. И рычание тоже, кстати!

– Это нам намекают, что спать пора. Особенно тебе. Чур, не сидеть в телефоне до полуночи! – предупреждающе нахмурилась было мама, но быстро спохватилась, вспомнив местную особенность. – Ах да... Прости-прости!

– Вот именно! – не преминула упрекнуть я. – Даже пообщаться с друзьями невозможно!

– Ничего страшного. В мое время...

– ...Вообще никакого интернета не было! – закончила я за маму эту ненавистную и нисколько не успокаивающую присказку. Она рассмеялась, чмокнула меня в

макушку и пошла спать.

По инерции пошарив в телефоне и всего лишь пять раз погоняв по кругу плейлист, я выключила так и не пропавший свет и уже стала засыпать, когда под окном завозилось что-то крупное, как и в прошлую ночь. К счастью, оно было закрыто. Я еще вчера обнаружила, что в доме гораздо прохладнее, чем на улице, и лишний жар к себе не запускала (тем более вместе с мошкаррой).

Наверняка опять собака шастает по двору. Интересно, как она к нам пролезает? Забор, как я уже говорила, был на удивление крепким, без щелей, хотя калитки запирались чисто символически. Вероятно, опасались здесь не людей, а как раз всякого зверья.

Подумав про опасных зверей, я, успокоившая было себя, снова стала пялиться в темноту и вслушиваться. Память услужливо подкинула мне воспоминание об этой истории с оборотнем в дурацкой брошюрке. Он точно так же толкался в стекло, пытался пробраться внутрь, когда почувал, что в сторожке кто-то есть живой. Конечно, обыкновенная логика подсказывала мне, что никаких оборотней здесь нет. И вообще не существует никаких оборотней.

Под окном что-то продолжало расхаживать. Я даже услышала легкий скрип, будто кто-то толкал оконное стекло, но это, конечно, мне только мерещилось.

Зато в памяти всплыло бессмысленное лицо старушки-соседки. Вдруг это она сейчас бродит под нашими окнами и, прижав лицо к стеклу, пытается рассмотреть, что творится внутри дома? И если я сейчас встану и отдерну занавеску, то встречу этот пустой взгляд...

Сразу вспомнился мамин рассказ, как она в детстве боялась слов колыбельной из детской передачи «Спокойной ночи, малыши»: «Обязательно по дому в этот час тихо-тихо ходит дрема возле нас». Удивительно, что песня, которая должна успокаивать и убаюкивать, наоборот, навевала на маленькую маму пугающие видения.

Дрема...

«А Дрема уже ходит?» – спрашивала моя мама свою маму, когда та гасила на ночь свет.

«Да уж давно ходит!» – усмехалась моя бабушка и прикрывала за собой дверь в детскую.

Мама была уверена, что к ним домой Дрема не проберется, потому что дома родители, они обязательно прогонят ее и спасут свою дочку. Их комната сразу напротив детской, и засыпают они значительно позже, так что дома безопасно. Дрема давно ходит... Если не дома, тогда где? Да под окнами же! Шторы задернуты, ничего сквозь них не видно. Но мама знала: она там, притаилась и ждет. И абсолютно неважно, какой этаж, хотя жили они на первом, что страшнее. Если тихонько подняться, прокрасться к окну и чуть-чуть отодвинуть штору, то сразу увидишь ее, Дрему. Эту неопрятную, сгорбленную, серую, в оборванной одежде старуху с крючковатым носом и злыми, пронзительными глазами. Своим мерзким лицом она прижалась к стеклу и смотрит прямо на тебя! Близко-близко!

Но трогать шторы никогда нельзя! Ведь однажды может случиться, что окно будет открыто: лето, жара... Возможно, ветер раздует занавески, а ты не будешь спать и согласишься... И Дрема будет уже не через стекло...

Мама очень живо описывала, как она, сжавшись в комочек, во все глаза вглядывалась в темноту, прислушивалась к шорохам и скрипам, чтобы не пропустить сгорбленную тень и вовремя спрятаться. Ведь старуха могла проникнуть в дом и утащить увидевшего ее малыша навсегда. Поэтому нельзя было сразу открывать в темноте глаза, чтобы не столкнуться с Дремой нос к носу.

Хорошо еще, что своими воспоминаниями мама поделилась со мной уже после того, как я перестала смотреть «Спокойной ночи, малыши». Правда, сейчас, пялясь в темноту, я подумала, что лучше бы мне вообще никогда не слышать этой истории...

Да нет, это, конечно, никакая не Дрема и не соседская бабка, а просто местная собака.

Потом псина удалась. Во всяком случае, под моим окном ничего не толкалось. Еще минут пять я лежала и смотрела в потолок.

Тут мне показалось, что у мамы в комнате что-то упало, но, как я ни прислушивалась, больше никаких посторонних звуков не доносилось.

Сон отчего-то как рукой сняло. Я ворочалась с боку на бок, простыня казалась жаркой и вся в неудобных складках. Одеяло я ногами сбросила на пол. Огнедышащую подушку пару раз перевернула другой стороной. В конце концов пошла в туалет.

Двери в свои комнаты мы с мамой по уговору не закрывали, и я, возвращаясь к себе, мимоходом заглянула в ее спальню. Глаза немного привыкли к темноте, и можно было различить лежащую посреди кровати на спине маму. В непонятном беспокойстве я немного постояла на пороге, прислушиваясь к ее равномерному дыханию. Окно было слегка приоткрыто, тюлевая занавеска едва колебалась от сквозняка. Я подумала о собаке снаружи и звуке падения, но в маминей спальне все было мирно и сонно.

– Никаких оборотней! – сказала я сама себе и усмехнулась.

В конце концов я пошла к себе, снова перевернула подушку прохладной стороной вверх и, уже засыпая, ухватила мелькнувшую мысль: мама всегда очень чутко спит, а сейчас даже не пошевелилась, хотя ее точно должен был разбудить шум спускаемой воды и вообще мои шаги. С другой стороны, успокоила я себя, проваливаясь в сон, может, она просто наконец-то расслабилась настолько, что перестала реагировать на разные звуки... Мы вон даже к проклятому холодильнику привыкли, уже не обращаем внимания на его гул.

Настойчивое желание снова посетить туалет заставило меня неохотно подняться и, не зажигая свет, почапать в коридор. Я старалась не шуметь, чтобы не разбудить маму. Дверь в ее спальню была все так же открыта, и включенный в ванной свет освещал призывно торчавшую из-под одеяла мамину голую ступню. Белеющая в темноте пятка словно просила пощекотать ее, и я не смогла удержаться, даже зная, что мама вряд ли будет рада проснуться среди ночи от щекотки. Прокравшись в спальню, я тихонько потянулась пальцем к беззащитной ступне, как внезапно из-под одеяла вынырнула рука и цепко ухватила меня за запястье. Я подавила смех и попыталась вырваться и сбежать, но пальцы на моем запястье сжались крепко, как наручники, и стали настойчиво тянуть под одеяло, больно натягивая кожу. Я кинула взгляд на маму, как обычно выстроившую из края одеяла щит перед лицом, только волосы торчали, и меня

словно окатило кипятком, аж затылок закололо. Ни один человек, даже самый гибкий, если только он не Мистер Фантастик, не в состоянии достать до собственной пятки, не согнувшись при этом. Моя же мама спокойно спала на спине, накрывшись, по своему обыкновению, одеялом, потому что даже в самую жару во время сна ей необходимо чем-нибудь укрываться. Руки при этом она складывает на груди, как сложила и сейчас, судя по складкам одеяла. Мама спала и даже не подозревала о моем коварном намерении пощекотать ее. Я судорожно перевела взгляд на руку, продолжающую настойчиво тянуть меня. Чья это рука? Скрытая по запястью под одеялом, она словно бы не принадлежала никому, потому что никаких очертаний спрятанного тела заметно не было. Только сейчас я разглядела, что пальцы у руки длинные, узловатые, неестественно тонкие и заканчиваются острыми слоистыми даже не ногтями, а когтями, с бурой грязью под ними.

Будто сообразив, что я все поняла, рука еще сильнее сжала мое запястье, так что я невольно вскрикнула от боли, и резко дернула на себя, под одеяло, отчего я потеряла равновесие... И распахнула глаза...

Сердце колотилось, как бешеное, и мне пришлось дышать ртом, чтобы унять дрожь. Я лежала на своей кровати, повернувшись лицом к стене, и таращилась в темноту, из которой постепенно проступали очертания действительности. Одна моя рука покоилась у меня под головой, а другая, та, за которую меня чуть не утащили, была прижата кистию к стене практически вертикально. И затекла она не столько из-за неудобного положения, сколько из-за невероятного напряжения, с какой прижималась к стене. Вспомнив, как меня мама в детстве учила бороться с ночными кошмарами, я три раза пробормотала: «Дурной сон, в форточку вон! Куда ночь, туда и сон!», а потом еще три раза, потому что все привидевшееся мне казалось настолько реальным, что детского заклинания не сразу хватило, чтобы успокоиться.

Восстановив кровообращение в кисти, я спрятала обе руки под одеяло и зажала между коленями. Только так мне постепенно удалось расслабиться и все же снова заснуть без кошмаров и нервов.

Как здорово, что на каникулах можно валяться в постели сколько угодно и никто тебя не подгоняет вставать! Я проснулась поздно, по привычке полистала старые чаты в телефоне, потом по второму разу прочла старинные литературные журналы и наконец пошлепала на кухню.

Мама еще спала. Я мимоходом заглянула к ней в спальню, посмотрела, как она ровно дышит во сне, и тихонько, стараясь ее не разбудить, сделала себе омлет и чай. Потом нарезала бутербродов, прихватила бутылку с водой и пошла валяться на солнце, перечитывать привезенные с собой книги и разгадывать кроссворды из найденных в сарае советских газет. Последнее удавалось лучше всего, потому что из-за жары меня слегка разморило, и смысл повествования в книгах ускользал. Кроссворды же можно было как начать, так и бросить в любом месте без ущерба для смысла.

Когда мне и это занятие надоело, а бутылка с водой опустела, я вышла с участка на улицу.

Анцыбаловка стояла в очень красивом месте. Кругом ее обступал лес, сочный, зеленый, на его фоне даже покинутые дома, заросшие вьюном, выглядели не так печально. Скорее, наоборот. Мне почему-то именно такой представлялась вилла «Курица», где жила Пеппи Длинныйчулок. Жаль, конечно, что здесь совсем нет никаких детей...

Никого из местных жителей я не встретила, но их присутствие выдавал то дымок над домом, то сохнувшее на веревке, натянутой между деревьями, белье.

Я подумала, что здесь не так уж и плохо. Можно попробовать узнать в Зеленово, где разжиться книгами, и предаваться безудержному ничегонеделанию, только чтению, чтению и чтению.

Когда вокруг светло, жарко и лето, все ночные кошмары кажутся глупыми и даже смешными. Даже мерзкий сон про схватившую меня из-под мамино

одеяла руку.

Несмотря на отсутствие интернета, я решила немедленно поделиться кошмариком в нашем школьном чате.

Дело в том, что в последние учебные дни мы перебрасывались в школьной группе не домашкой, а в основном ссылками на фанфики, на забавные ролики. И Дашка попросила побольше страшилок, чтобы было чем поуготать девчонок в лагере. Тут, конечно, каждый постарался найти что-нибудь поужаснее, с плохим концом. Некоторые кидали ссылки, кто-то постил текст целиком.

Обычно мы все эти «ужасные» истории высмеивали. Ведь страшные истории с плохим концом нужны именно для того, чтобы ты, прочитав последнее предложение, с радостью осознал, что с тобой-то ничего такого жуткого не произойдет, что у тебя-то все в порядке. И это не может не радовать.

Особенно мы все потешались над «Скоростью звука». Эту историю кинули в самый последний учебный день с предложением почитать на ночь в ванной. Речь там шла о девочке-параноике, а вовсе не о физике.

Уже начав набирать свой сон, я заленилась. Прокрутив сообщения, нашла «Скорость звука» и принялась читать, иногда посмеиваясь про себя. С нами-то такое никогда не случится.

– Вот представь себе, – сказала мне она. – Ты в квартире совершенно одна, умываешься в ванной, видишь себя в зеркале над раковиной и ванную комнату за спиной видишь, и через открытую дверь – кусок коридора и часть комнаты. И думаешь, что тебя никто не сможет застать врасплох со спины. Только прежде чем повернуться, подумай о том, что тот, кто стоит за твоей спиной прямо сейчас, в зеркале не может отражаться. Ты можешь ориентироваться только по звукам, – сказала она. – Но скорость звука меньше скорости света. И ты услышишь, но позже, чем нужно.

Я вспомнила об этом, когда чистила зубы перед сном, а на кухне что-то звякнуло, будто стакан упал. Инстинктивно посмотрела в зеркало и ожидаемо

ничего не увидела. Домашних животных у нас нет, родители уехали на свою скучную дачу.

Если я повернусь и замечу промелькнувшую тень, что мне делать?

«Что, если это у соседей?»

Я прямо представила, как она это говорит обманчиво успокаивающим тоном и при этом чуть насмешливо улыбается, да так, что улыбочкой своей полностью меняет успокоительный смысл слов.

«Ну и что, что раньше их никогда не было слышно, особенно такие тихие звуки. Все когда-то случается в первый раз. Подумай лучше, кто бы это мог быть».

Может быть, соседка сверху, старенькая одинокая бабушка? Которая легла в больницу несколько дней назад. Она ведь теоретически могла вернуться. Ага, ночью, чтобы побить у себя посуду.

Это ведь могла быть ее облезлая дворняжка, не взяла же соседка ее с собой в больницу. Конечно, не взяла. Собака сдохла еще в прошлом году.

Я поежилась.

Тогда это может быть сосед снизу. Тот, который уехал со своей девушкой на море. Но этот парень не стал бы возвращаться домой, даже если бы вдрызг разругался со своей подружкой.

Или соседи справа. Точно, соседи справа. Там квартиру сдают. Правда, хозяин как раз на днях столкнулся с папой в лифте и жаловался ему, что никак не может найти подходящих жильцов, мертвый сезон, говорит, какой-то.

Фу, зачем только я вспомнила про мертвых.

Это могли быть банальные воры. Точно, это воры! Надо хорошенько прислушаться и звонить в полицию, как настоящий равнодушный гражданин.

Только если хорошенько прислушаться, то звук точно шел из кухни. Из нашей кухни. Конечно, воры вполне могли пролезть в квартиру, узнав, что я осталась одна.

На седьмой этаж. И на кухне нет балкона.

Зато есть в спальне. Чтобы из спальни попасть на кухню, надо пройти мимо ванной. Почему же я не заметила? И как же они не заметили?

А если все равно позвонить в полицию и сказать, что в квартире воры?

Позвонить по душу, как фрекен Бок из мультфильма. Телефоны-то в гостиной и на кухне, а мобильник на зарядке тоже где-то в том районе.

«Ты будешь убеждать себя, что это глупая паранойя. И успокоишься, – говорила она. – Все так, возможно, что ты сама себя накручиваешь. Но что, если это не твои придумки, а правда? Что, если это инстинкт самосохранения, тревожный звонок, который ты беспечно игнорируешь?»

Когда смотришь фильмы ужасов, всегда удивляешься идиотизму, с которым герои рвутся на собственную гибель в темные подвалы, на чердаки и в комнаты с подозрительными звуками. Но почему мы забываем, что это их дом? Их подвал и их чердак, который они сами же и захламляли, где складывали банки с соленьями, чинили электропроводку.

Сколько раз на дню я захожу на кухню? Просто чтобы открыть холодильник или пошарить в шкафчиках в поисках вкусняшек, даже если точно знаю, что их там нет.

Почему сейчас-то я так боюсь?!

«Только не пытайся в этот момент всматриваться в зеркало, – говорила она. – Вполне возможно, что в коридоре мелькнет быстрая, неясная тень, очертаний которой ты все равно не разберешь. Это может быть отсвет фар проезжающей

мимо машины или качающиеся под ветром ветки, подсвеченные фонарем. Хуже всего, что ты обязательно переведешь взгляд на свое лицо в зеркале. И увидишь, как оно начинает меняться. Сначала неувидимо, что заставит тебя сосредоточиться и вглядываться еще пристальнее. Тебе может совсем не понравиться то, что ты увидишь вместо себя. Всего лишь стекло, фольга и отражение – только физика, и больше ничего. Но есть еще свойство нашей психики. Я не стану тебе рассказывать о прозопагнозии, это только продемонстрирует мою ученость, но к делу не относится. Я ее, кстати, и так только что продемонстрировала. Но факт: если сосредоточенно всматриваться в свое лицо в зеркале при приглушенном свете, то оно начнет меняться. Научного названия у этого эффекта нет. Это не страшно. Страшно, когда сущность в зеркале начинает жить самостоятельной жизнью. Потому что это уже не твое отражение, просто не ты».

Только сейчас я заметила, что, вспоминая ее предостережение, напряженно вглядываюсь и вглядываюсь в зеркало.

«На самом деле ни одно существо с той стороны не придет, пока ты не пригласишь его. Пока не позовешь его, – сказала она, чуть улыбаясь. – То, что ты рисуешь в своем воображении, немедленно обретает плоть. Испугавшись, ты уже открываешь монстру дверь».

Я прислушалась, с усилием оторвав взгляд от зеркала. В квартире стояла гробовая тишина. Не было слышно даже обычного уличного шума. Ничего...

Что, если я возьму металлическую пилку для ногтей и использую ее как нож?

Если быстро пробежать через коридор до комнаты, размахивая во все стороны пилкой, вполне успеешь схватить мобильник. Я ведь могу сделать это с закрытыми глазами. Это ведь мой дом.

«Знаешь, я ведь уже пригласила сюда кучу всяких тварей. Прямо сейчас. Ты ощущаешь их?»

Она тогда рассмеялась и толкнула меня локтем в бок.

Сделав глубокий вдох, как перед прыжком с трамплина, крепко зажмурившись, я рванула вперед. Кто-то словно трогал мой затылок, но открыть глаза я осмелилась, только ощутив в ладони мобильный телефон.

Странно, я ведь точно ставила его на зарядку. Даже провод из него торчит. Только вот, видно, по рассеянности я задела его ногой и выдернула из розетки. И все же заряда еще хватало.

Она вызвала, она пусть и прогоняет!

И я, вместо того чтобы звонить родителям, стала яростно набирать соседке с седьмого этажа. Мне было очень страшно. Глупо так поступать, но сейчас она была ближе всех, и она поймет и придет, обязательно.

«Что, если чувствительная техника не такая уж надежная? – говорила она. – Заряд всегда садится в самый неподходящий момент даже в обычных ситуациях. И на морозе».

Я с отчаянием смотрела, как с каждым набранным словом уменьшается зеленое деление на значке батареи. Когда я отправила сообщение, осталось всего десять процентов.

Оно не отправилось.

Что-то с Сетью, у меня или у нее.

Я судорожно ткнула «отправить sms».

Пять процентов.

«Сообщение не доставлено».

Экран мигнул и погас.

Все.

– Немного страшновато, правда? – вкрадчиво спросили у меня за плечом.

Это был не голос в моем воображении.

Только не поднимать глаза от экрана!

Потому что тот, кто спрашивал за плечом, уже стоит прямо передо мной.

Глава 8

Не знаю, сколько прошло времени, когда я наконец поняла, что с утра еще ни разу не поговорила с мамой, а она почему-то до сих пор не забеспокоилась, хотя я ушла, не оставив записки. Вообще-то она могла видеть меня из окна. Может, просто решила немного отдохнуть от моего общества или, наоборот, избавить меня от своего? Но это тоже было ненормально. Никогда моя мама от меня отдохнуть не хотела. Да и чего тут уставать, если вообще никого кругом нет. Так вообще одичать можно!

– Ма-а-ам! – позвала я.

Я точно знала, что она именно в доме, не на участке. И не бывало еще такого, чтобы мама не откликнулась, даже если была очень занята.

Мне показалось, что на кухне что-то скрипнуло, половица или табуретка. Испытывая смутную тревогу, непонятно откуда взявшемуся, я, почему-то стараясь производить как можно меньше шума, прокралась к двери на кухню. Ничего необычного в том, что мама находилась на кухне, конечно, не было. Тем страннее было мое ощущение, и оно пугало меня даже больше, чем тишина. Глупость какая-то. Стараясь отогнать неясное волнение, я встала на пороге кухни.

Мама сидела за столом, сложив руки на коленях, отвернувшись от двери, и ничего не делала. Ну, как не делала – смотрела. Смотрела в угол между плитой и старым, рассохшимся буфетом. Лица ее я не видела, но в этой странной неподвижной позе, в этом ничегонеделании было что-то неестественное. Я понимаю, если бы мама читала, тогда бы это объясняло ее молчание, погруженность в себя. Но сейчас...

Может, ей стало плохо? Почему она ничего не делает? Она же всегда что-то делает! И почему она молчит?

– Ма-а-ам? – снова осторожно позвала я, не решаясь почему-то подойти к ней.

Мама медленно, не меняя позы, повернула ко мне лицо. Она улыбалась. Но это была не ее улыбка, не мамина. Словно кто-то растянул ее губы, но глаза оставались пустыми. Я ни разу не видела, чтобы она вообще кому-то так улыбалась. В этом застывшем лице было что-то жуткое, и мне даже пришлось мысленно одернуть себя: это же моя мама!

Она молчала и улыбалась. И не моргала. Глаза ее, такие добрые, веселые, сейчас были холодны и пусты, словно она смотрела и не видела меня, но смотрела пристально, механически.

– Мам, ты что, не моргаешь? – Я услышала в своем голосе предательский страх.

Мама тут же моргнула. И продолжала молчать и улыбаться. И ничего не делать.

– Я пойду с мальчишками на болото схожу.

Мама медленно кивнула и медленно же, не говоря ни слова, улыбаясь своей новой жуткой улыбкой, отвернула лицо и принялась смотреть в угол.

Я попятилась, стараясь не делать резких движений, делая вид, что все как обычно, но при этом не выпуская маму из виду, а потом что есть духу выскочила из дома, промчалась по дорожке к калитке, пулей вылетела за нее и остановилась, привалившись к забору и глядя на дом. Только сейчас я поняла, что плачу. Меня трясло.

Я сказала первую попавшуюся глупость, а она мне просто кивнула.

Мама никогда в жизни не разрешила бы мне одной идти на болото. И не было никаких мальчишек, и она это знала. И она бы обязательно поинтересовалась, что за мальчишки и откуда вообще взялись, когда здесь нет никого младше шестидесяти, и пошла бы знакомиться, ненавязчиво разговорила бы их, чтобы понять, стоит ли мне с ними водить знакомство. И скорее всего, мама пошла бы на болото с нами из любопытства. Мы же до него так и не дошли в прошлый раз!

И еще она обязательно поцеловала бы меня в макушку, чем бы ни была занята.

Женщина, которая сидела сейчас в доме на кухне, выглядела, как моя мама, была одета, как моя мама, она даже пахла, как моя мама, но это была не она. Хотя нет, пахла она не как мама. Стараясь ничего не упустить из виду, я перебирала напугавшие меня детали, и чужой, странный запах был одной из них. Может, я потому про болото и соврала, что пахло тиной и какой-то тухлятиной, как от стоячей воды.

А вдруг мама умерла?!

Я заревела в голос, но потом испуганно зажала себе рот руками. Никто не должен слышать меня. И уж тем более знать, что я испугана и плачу и что-то подозреваю.

О том, чтобы пробраться мимо дома к интернет-яблоне, и речи быть не могло. Она отлично просматривалась из окна кухни, и, хотя мое гнездо закрывали ветви, было бы отлично видно, как я забираюсь на дерево. Нужно было дождаться темноты, чтобы пробраться туда и связаться с папой.

Можно было, конечно, пойти в соседнюю деревню, но я боялась, что заблужусь, и боялась уходить от мамы: вдруг за это время все изменится, вдруг она вернется, а меня нет?

Анцыбаловка как вымерла. Все старики опять попрятались по своим домам, собаки тоже не было видно. Только сейчас я поняла, насколько тихо вокруг. Даже птиц не слышно. Хоть бы муха пролетела или комар. Ничего. Будто кто повернул рубильник и отключил все звуки.

В горле запершило, я кашлянула, и мой одинокий кашель показался чем-то инородным в этой вязкой жуткой тишине.

Мне уже не казалось, что здесь уютно и хорошо.

Внезапный тихий хруст за спиной заставил меня похолодеть. Медленно повернув голову, я осмотрела улицу. Никого...

Волна ледяного ужаса окатила меня с головы до ног. Быстро, стараясь не оглядываться и не рассуждать, я добежала до ближайшего обитаемого дома, откуда в прошлый раз выходила старушка, и села на валявшееся у забора полено. По крайней мере, там за забором обычные люди, думала я. Наверное, обычные. Они же здесь давно живут и были обычными, когда мы их видели, успокаивала я себя, только чтобы не вспоминать мамино лицо с застывшей улыбкой. Не прогонят же они меня, если я здесь посижу до темноты.

Тут я представила себе, что все местные тоже сидят у себя на кухне и смотрят в угол, и немножко поплакала. Я боялась проверить, так ли это. Боялась просить их о помощи.

Да и что бы я им сказала? Попросила вызвать полицию, потому что моя мама выглядит и ведет себя как-то странно? И продавщица с золотым зубом говорила, что здесь никто не поможет, если что случится...

Я сидела до тех пор, пока не начало смеркаться. За все это время ни на дорогу, ни из дома никто не вышел, не включил радио (странно, ведь пожилые люди обычно постоянно громко слушают радио или оставляют работающим на полную

катушку телевизор, даже если не смотрят его), не гремел ведрами.

Вспомнив, что давно не ела, пощипала смородину с куста, растущего тут же, у забора, но меня от волнения даже подташнивало, и голода я совсем не чувствовала.

Даже когда я в открытую обдираю чужие кусты, никто так и не вышел ко мне, не спросил, что я здесь делаю.

Тогда я пошла к нашему дому, тихонько открыла калитку и прислушалась. Мне показалось, что где-то очень далеко квакают лягушки, но в ушах так шумело и стучало, что пришлось несколько минут стоять, обхватив голову руками, чтобы успокоиться. Я хотела позвать маму, но в горле внезапно пересохло, язык стал как бумага. Никогда еще я так не трусила.

Окно кухни было черным-черно. От мысли, что мама продолжает сидеть там в полной темноте, на том же месте, в той же позе, и не моргая смотреть в угол и улыбаться, мне снова захотелось плакать.

Стараясь не шуметь, я быстро юркнула на свою яблоню. Несмотря на теплый вечер, меня трясло мелкой дрожью, так что чуть телефон из рук не выпал. От мысли о такой жуткой возможности меня бросило в холодный пот, я закрыла глаза и сделала пару глубоких вдохов, чтобы унять панику. Потом наконец посмотрела на экран. Он еле светился, но я все равно постаралась максимально прикрыть его футболкой, чтобы не было заметно.

Блин! Батарея была уже наполовину разряжена, а зарядка в доме, да и какой в ней толк, если нигде подзарядиться?

Но это было еще полбеды. Сеть то появлялась, то пропадала, как нарочно. Стоило только начать набирать папин номер, как телефон становился бесполезной игрушкой, которая к тому же скоро разрядится. Наконец мне удалось максимально тихо изогнуться и поймать слабый, но все же устойчивый сигнал.

«Папочка, папочка, ну давай же, давай», – лихорадочно молила я про себя, тыча в экран, и вдруг опять замерла и в который раз покрылась холодным липким потом.

Тихо-тихо скрипнула входная дверь, едва слышно зашуршали мелкие камушки, которыми была посыпана дорожка вокруг дома, и из-за угла показалась знакомая фигура – в темноте выделялся светлым пятном крестьянский сарафан в мелкий цветочек. Только двигалась она совсем незнакомо. Плечи чуть сгорблены, руки висят вдоль тела, будто плети, ноги словно и не сгибаются в коленях, но движения все очень осторожные и тихие. Фигура подняла голову и медленно огляделась, будто прислушиваясь. Мне показалась, что ее лицо растянуто в той же страшной улыбке.

Почему я решила, что сущность, которая прикинулась моей мамой, будет сидеть дома? Наверняка в темноте и на улице она чувствует себя свободнее, чем в помещении. Я вдруг подумала, что в том углу кухни, куда смотрела не отрываясь мама, на стене висела маленькая иконка. Я даже не обращала внимания, кто там изображен. Что, если при свете дня, пока было видно изображение на иконе, ничто злое не могло сдвинуться с места и навредить мне? Мне и маме...

Я не могла назвать ее мамой, но и называть ее зомби у меня язык не поворачивался. Зомби могли быть кем-то другим, и плевать на них, а это моя мамулечка...

Вдруг я четко поняла, что если сейчас начну звонить папе, то эта сущность безусловно услышит меня. Если она подойдет к яблоне, то я точно не смогу спуститься. Сколько она будет здесь стоять? А вдруг она лазает по деревьям? У мамы это всегда неплохо получалось...

Я чуть не заорала, когда рядом со мной послышался шелест. Но это только ветер пошевелил листья старой яблони и донес до меня болотный запах – совсем слабый, но внезапно вызвавший рвотный рефлекс. Я с трудом сдержалась.

Темная фигура у дома продолжала стоять на том же самом месте, на углу дома, будто принюхиваясь. Мне показалось, что она смотрит прямо на меня.

Вот медленно-медленно пошла вдоль дома, мимо окон, будто что-то потеряла. Мне даже на мгновение представилось, что сейчас мама заберется обратно к себе в комнату через окно, но она прошла мимо до угла, где снова остановилась и стала смотреть на участок, медленно поворачивая голову туда-сюда. Действительно принюхивается. Самое ужасное, что лунный свет отражался от ее глаз, так что они блестели, как у кошки, но только отблеск был тусклым и

каким-то неживым. Это было настолько жутко, и неестественно, и невозможно, что мне пришлось до боли сжать зубы, чтобы не заорать.

У меня начали затекать ноги, но я боялась пошевелиться. Случайно бросив взгляд на маленькие столбики на экране телефона, означающие уровень сигнала, я непроизвольно нажала на кнопку вызова и тут же прижала телефон к самому уху, снизив звук почти до еле слышимого минимума.

Не будь сущность, принявшая мамин облик, так близко, я не сдержала бы стон досады. «Абонент временно недоступен, попробуйте перезвонить позднее». Как же я могла забыть, что спящий папа обладает завидной способностью не реагировать ни на какие посторонние звуки, кроме будильника, подключенного к стереосистеме! А мама, моя нормальная мама, наоборот, просыпается от любого шороха и будит, если надо, нас. Поэтому папа взял за привычку на ночь свой телефон отключать, а то ему вечно приходят какие-то эсэмэски и оповещения в любое время суток. Наверное, это тоже одна из причин, по которой место для отдыха папа всегда выбирает совсем уж дремучее и далекое от цивилизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mastryukova_tat-yana/bolotnica

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)